

Нет больше Родины и Народа.
 Под этим именем никто не хочет выступать.
 Есть Я, осуществляемое с большим трудом.
 Время кончилось.
 Жизнь началась сначала.
 Прекратились лауреаты, секретари, герои,
 массовые протесты и всенародные подъемы.
 Остался мат, лай собак, визг женщин,
 прибой грязных волн о грязный берег.
 Пыльной и дырявой стала надежда.
 Как горизонт, отодвигается счастье.
 К рукам приближается оружие.
 Плохие и мертвые попадают все чаще.
 Электричество и канализация
 на последнем издыхании.
 Интерес к окружающему уже не в состоянии
 преодолеть тревогу и болезнь.
 Хорошее настроение только у пуделей,
 а смех только у идиотов.
 На улицах, в квартирах, на кухнях смех
 не слышен.
 Телефонный разговор стал коротким.
 — Записи мой телефон, — говорят друг другу
 и прощаются.
 Напряженная тишина.
 Безмолвные очереди машин
 в ожидании бензина.
 В человеческой очереди попадает труп.
 Отъезды стали бытом.
 Возвращения потеряли ориентацию.
 У обещавшего вернуться нельзя понять — куда.
 И понимать некому.
 Никто не загорает, не отдыхает, не живет.
 На пустынном берегу откуда-то взявшиеся
 сирицы строят гостиницу.
 В тайге неизвестные турки строят гостиницу.
 Немцы восстанавливают барскую усадьбу.
 Примерно так, примерно так...
 Редакция, которую покинула надежда,
 выпускает журнал.
 Ищут анекдоты, заглядывают в постели,
 звонят за рубеж.
 Голоса все глуше.
 Смешное какое-то осталось, но уже не смешит
 и плохо доходит.
 И почта не находит себе места.
 Под разными названиями выходят одинаковые
 газеты.
 Армия неожиданно стала жалобной,
 раздражительной.
 Опять оказалась неспособной
 к военному времени,
 нуждается в длительной войне,
 чтоб набрать опыт.
 А люди не хотят этого опыта,
 а без людей она не может.
 Много журналистов и мало солдат.
 В атаку идут операторы.
 Солдаты окапываются.
 Противник есть, погбишие есть, а фронта нет.
 Генералам столы сервируют на картах.
 Из танка спрашивают,

как проехать к противнику...
 Мальчик показывает и бьет гранатой вслед.
 Победа не нужна никому, пока идет снабжение.
 Обоим президентам внушают, что это очень
 сложная и жестокая война с коварным, умелым
 и жестоким противником.
 Эти бьются за свою родину, и те бьются за свою
 родину.
 И все находятся на своей Родине, отсюда
 невятность героизма и отсутствие подвигов.
 Лекарства отняли у городов, передали солдатам,
 и возросли потери в тылу.
 Продолжительность жизни одна,
 у мирных и у солдат.
 Врачи из каких-то остатков что-то делают.
 Больные в карманах приносят вату, марлю,
 инструмент.
 «Скорая» доехать не может,
 приехав, отехать не может.
 В этих пробках и угнать невозможно.
 В больницах врачи как-то пьют смерть
 отодвинуть, но жизнь дать не могут и так
 и выпускают в это месиво.
 А тут страсти кипят: наваливаются, рвут, режут.
 Беззащитное готовится к уходу.
 Защититься невозможно.
 Воры и так уже в лучших машинах, в лучших
 квартирах, в лучших костюмах, в лучших часах
 и с лучшим оружием.
 Молодое и кипящее ничто не считает чужим:
 чужую жизнь не считает чужой, и чужую жену
 не считает чужой, и милицию не считает чужой,
 а страну считает своей.
 Кто не хочет пропасть, к ним присоединяется
 и все равно пропадает.
 Потому что идет на войну...
 Примерно так, примерно так...
 Увидя пятерку молодых в машине,
 все разбегаются.
 Куда они едут! Против кого! Где выйдут
 и кого убьют!
 Все головы в плечи — и домой.
 А там, кроме двери, ничего.
 Дверью прикрыть
 За дверью не живем, готовимся...
 Если вдруг пропадет свет и вода,
 никто не выйдет.
 Боятся.
 Рассвет — как спасение.
 Примерно так, примерно так...
 Разница между полами перестала волновать.
 Приумножать население никто не хочет.
 Примерно так, примерно так...
 Вот из-за поворота выходит человек...
 Все может быть, но ничего хорошего
 это не означает.

Оркестр, пожалуйста.
 Медленно и печально.

